

МАСТЕР ДЕТЕКТИВА

АНТОН ЧИЖ

АНТОН
ЧИЖ

ТАЙНЫЕ
ПОЛНОМОЧИЯ

МОСКВА
2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Дизайн обложки *А. Дурасова*

Чиж, Антон.

Ч-59 Тайные полномочия / Антон Чиж. — Москва :
Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-210173-1

Россия готовится к первой Олимпиаде. На карту поставлена честь империи. Но именно в это время украдена Алмазная звезда Андрея Первозванного – высший орден государства. В краже замешаны те, кого сыщик Родион Ванзаров даже подозревать не мог! Расследуя это дело, Родион вынужден опасаться даже своего лучшего друга и напарника, великолепного криминалиста Аполлона Лебедева. Получая неограниченные полномочия от императора, Ванзаров готов пожертвовать всем, но исполнить свой долг!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210173-1

© Чиж А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Точку на карте Везенбергского уезда Эстляндской губернии с названием Тапс и вспоминать не стоило, если бы не забавное обстоятельство: городок именовался в точности, как знаменитое селение к югу от Карфагена, у которого Цезарь в пух и прах разгромил Помпея, воюя за сердце царицы Клеопатры. К счастью, студеные ветры истории местных жителей обошли стороной. Городок вел мирную жизнь заштатной провинции бескрайней империи. Жители возделывали сады и огороды, ложились рано и вставали засветло, раскормленные свиньи бродили где им вздумается, телеги с сеном и картошкой встречались куда чаще приходского пастора и школьного учителя, а местные коровы славились жирностью молока. Такой, что сливки сами вставали густой шапкой над горлышком крынки. Жизнь в городке текла неторопливо и размеренно, как местное пиво. Дел у уездного полицейского исправника было немного, разве что разнять на праздник не в меру горячих эстляндских парней. От такой службы исправник толстел, краснел и рисковал не влезть в форменный кафтан.

Покой городка нарушали лишь свистки паровозов, прибывавших и отправлявшихся по расписанию. Тапс был уз-

ловой станцией Балтийской железной дороги, через которую столичные поезда следовали или в Ригу, или в Дерпт. Станционный дом, сложенный из красного кирпича, был не больше дровяного сарая, но при нем имелась водокачка с поворотным рукавом и угольный тендер, чтобы пополнять запасы воды и топлива для паровозов. Кроме стола начальника станции в тесное помещение поместились столы телеграфиста и жандармского надзирателя. Для пассажиров, какие могли сюда заглянуть, места не осталось, так что лавку для них выставили на перроне, то есть на утоптанной полоске земли около рельсов.

Пассажиры на станции были редкими гостями. Местные жители передвигались все больше на телегах, а поезда проскакивали мимо, обдавая клубами пара и оглушая ревом свистка. Только раз в день состав останавливался на пару минут. С подножек соскакивали чистые господа, брезгливо осматривали станцию, возмущались отсутствием буфета, выкуривали папироски и бросали окурки прямо на пути, что сильно огорчало начальника станции Рюителя, обожавшего порядок во всем. Откровенно говоря, станция нужна была для того, чтобы обслуживать железнодорожную стрелку.

Командовал стрелкой (то есть несколько раз за сутки дергал поворотный рычаг вперед и назад) стрелочник Реэде. В городке он был знаменит тем, что мог заснуть в любом месте и в любое время суток. Стоило Реэде присесть в тихом уголке, как он тут же погружался в сладкую дрему. Начальнику станции Рюителю приходилось неусыпно следить, чтобы стрелочник не проспал прибытие поезда и направляющиеся в Дерпт не оказались в Риге. Рюитель

пинал Реэде в бок и прочие места до тех пор, пока тот окончательно не продирает глаза. Такого соню на любой другой станции рассчитали бы в два счета, тем более что ему перевалило за шестьдесят, но Рюитель отчего-то не выгонял ленивого подчиненного. Стрелочника спасало от неминуемой пенсии то, что на станции, кроме него, других развлечений не было. Реэде спал при каждом удобном случае, а начальник Рюитель нещадно будил его строго в соответствии с расписанием поездов. Сколько держался такой порядок, никто уже и не помнил. Но держался он крепко.

За час до полуночи 15 марта 1896 года Реэде спал с чистой совестью в станционном доме. Дневные поезда проследовали в нужном направлении, о чем позаботились начальник Рюитель и его крепкий кулак, а ближайшие ожидалось не ранее шести часов утра. Допив свежесваренный кофе, начальник Рюитель взглянул на часы, которые отбивали каждые полчаса хриплым ударом маятника, сверился с карманным хронометром (носил его на толстенной цепочке, чтобы все в городе знали, какой он важный человек!), и окончательно убедился, что делать на станции сегодня больше нечего. А тут еще Реэде принялся посапывать с поросычьим присвистом, отчего захотелось вылить на него графин воды. Начальник Рюитель одарил стрелочника презрительным взглядом, от которого тот должен был растаять, как воск, приятно потянулся всем телом и уже нацепил форменную фуражку, как ни с того ни с сего ожил телеграфный аппарат.

Начальник Рюитель уволил телеграфиста, чтобы добавлять к скромному жалованью лишнюю копейку, а потому

сам подхватил бумажную ленточку, выползавшую из вертящегося колеса. Сообщение было кратким, строгим, требовавшим строжайшего исполнения и, что самое главное, срочным. В конце вылезла подпись, от которой начальника Рюителя бросило в пот. Депешу на заштатную станцию прислал сам директор Балтийской железной дороги. Это было столь невероятно, что начальник Рюитель усомнился в своем знании русского языка и даже перепроверил по словарю. Словарь подтвердил, что смысл понят им верно. За исключением адресата, в телеграмме не было ничего необыкновенного: предписывалось направить состав, следовавший от станции Юрьев к станции Везенберг. Поезд сверх расписания был именован экстренным и двойным литерным, то есть наивысшей степени важности. Важнее мог быть только поезд, перевозивший императорскую фамилию. Пытаясь догадаться, что бы это значило, начальник Рюитель взглянул на часы и уже испугался не на шутку. До подхода литерного оставалось три минуты, а стрелка все еще не была переведена.

Реэде получил такой удар, от которого не только проснулся, но вскочил сразу. Начальник Рюитель крикнул ему: «Бегом!» — и сам побежал в ночь. Таким взволнованным Реэде его никогда не видел. И хоть не привык он торопиться, что-то подсказало, что сейчас надо шевелиться без лишних вопросов. Стрелочник припустил, но нагнал начальника около стрелки.

— Что случилось, господин Рюитель? — спросил Реэде, берясь за рычаг, который никак не поддавался начальнику. — Поездов нет до утра. Или уже утро? Неужели я столько проспал?

— Переводи на третий путь, Реэде! — закричал Рюитель, дергая рычаг изо всех сил.

Стрелка, застрявшая в самый неподходящий момент, наконец скрипнула и сдвинула рельсы в нужную развилку. Схватив стрелочника за шиворот, начальник Рюитель оттащил его в сторону. И очень вовремя.

Из тьмы в облаке пара вылетел стальной таран паровоза, как сказочное чудовище, вырвавшееся из векового плена и ревом оглашающее свое освобождение. За ним неслись вагоны. Было их всего два, и каждый горел таким ярким освещением, как будто внутри пылало светило. Последний, третий, вагон пролетел черной тенью. Поезд шел на предельной скорости, не меньше пятидесяти километров в час, мелькнул стремительным призраком и прощальный гудок послал издали. После него еще долго носился ветер и поднятый сор.

Начальник Рюитель молчал. Молчал и стрелочник Реэде, которому даже расхотелось спать. Оба боялись шевельнуться, словно не могли оправиться от впечатления, которым наградил скромных служащих полуночный экспресс.

— Что это было, Реэде? — наконец проговорил начальник Рюитель, рассматривая темноту над путями, блестящими полировкой рельс.

— Не знаю, господин Рюитель, — ответил стрелочник. — Я всего лишь стрелочник. Как нам понять?

— Сколько было вагонов, Реэде?

— Очень короткий поезд. Один пассажирский класса люкс, другой вагон-ресторан, господин Рюитель. Багажный вагон я не стал считать.

– Правильно, Реэде. Очень короткий экспресс. Такого я никогда не видел.

– Я тоже, – согласился Реэде. – Чего не придумают в столице.

– Ты ничего не хочешь мне сказать, Реэде? – спросил начальник Рюитель, разглядывая темноту. – Ты что-нибудь увидел?

– Не знаю, что я видел, господин Рюитель. Наверное, я ничего не видел. Наверное, я еще не проснулся. Да, так и есть, я еще не проснулся. Мне все привиделось.

– Говори, что ты видел. Я тебе приказываю, – потребовал начальник Рюитель и ткнул стрелочника в бок. – Что ты видел в окне?

– Я видел, что окно в одном купе было раскрыто. Только одно из всего вагона. Вот что я видел.

– Этого мало, Реэде, ты так просто не отвертисься. Что ты видел в окне поезда?

Стрелочник замялся, так не хотелось ему вспоминать о том, что привиделось. Наверняка это обман зрения, какой иногда случается на железной дороге, когда поезд очень быстро едет. Начальник Рюитель был непреклонен и строго потребовал ответа.

– Хорошо, я скажу вам, господин Рюитель, даже если вы будете смеяться и потом расскажете всему городу, что старый Реэде сошел с ума.

– Я не буду смеяться над тобой, Реэде. Даю тебе слово.

– Тогда слушайте... В раскрытом окне я увидел человека, раскаленного, как паровозная топка, он пылал ярким пламенем, как стог сена. И так размахивал руками, как будто хотел утащить за собой в преисподнюю...

Реэде закрыл глаза, и странная картина опять предстала ему во всей яви. Что делал этот горящий человек? Почему он хотел утащить за собой бедного стрелочника? Человек ли это был? Реэде поехал, хотя чувствовал жар, и на всякий случай перекрестился. Утром он сходит к пастору, исповедуется в грехах и поставит свечку. Давно не ходил в церковь, вот и получил наказание.

— А вы что видели, господин Рюйтель?

На этот вопрос начальник станции не мог ответить самому себе. То, что он увидел, было столь удивительно, что признаться в этом было невозможно. Он же не какой-нибудь крестьянин с хутора, который верит в разные глупости, он человек солидный, уважаемый. Нет, он ничего не видел. Просто поезд слишком быстро проехал.

Сколько бы начальник Рюйтель ни убеждал себя, что ему только показалось, перед глазами упрямо вставало лицо того человека из окна. Хотя лица не было. Вместо него — пунцовая, натужная маска с выпученными глазами и разорванным ртом, какой не может быть у живого человека. Не бывает такого. Нет, это всего лишь суеверия. Им не место на железнодорожной станции в конце просвещенного девятнадцатого века. Ничего не было. Он всего лишь пропустил экстренный литерный в направлении станции Везенберг.

Начальник Рюйтель прикрикнул на стрелочника и пошел к станционному дому. Возвращаться в свой дом ему расхотелось. Наглая рожа корчилась и не отставала. А руки так и тянулись к начальнику Рюйтелю из раскаленного окна. Словно и в самом деле хотели утащить за собой.

Санкт-Петербург
Главный Варшавский вокзал
Варшавская ж/д

• 1 •

За окном раскисал март. Снег превратился в черную грязь, которую размешивали колеса пролеток, калоши пешеходов и метелки дворников. С крыш капало. От карнизов отрывались куски льдин, разбиваясь с гулким хлопком, отчего вздрагивали стоявшие лошади, а извозчики умиряли их, дергая за вожжи и сдабривая это непечатными словечками на всю улицу. Весна стучалась во все двери. Великий пост подходил к концу, оставалось говеть меньше двух недель. Столица империи так соскучилась по теплу и веселью, так устала от зимы и ранней оттепели, что считала деньки до 24 марта, когда можно будет отмечать Пасху и вознаградить себя за лишения поста.

Осмотрев сырой проспект, Анатолий Граве отпустил штору и улыбнулся. Нельзя сказать, что он любил это время года. Трудно любить сырость, которая проникает под одежду, оборачиваясь потом долгим насморком, знакомым каждому столичному жителю. Да и развлечений для молодого человека явно недостаточно: все театры, кроме Французской оперы, закрыты, балетов нет, концертов нет — тоска и скука. И все равно у Граве сегодня было отличное настроение. Он ощущал себя великолепной статуей из мышц и молодых, здоровых костей. Статуя эта была одета

в новенький костюм, пошитый у модного петербургского портного: игривая жилетка, строгие формы сюртука и брильянтовая булавка в галстуке. Граве знал, что выглядит не просто отлично, а «сногшибательно», так, что дамам глаз не отвести, и принимал восторженные взгляды как должное. В конце концов, для чего еще нужны двадцать пять лет, как не для того, чтобы блистать беззаботно?

Куда важнее отличной формы, которую он старательно поддерживал, были успехи не столь заметные. Проведя три часа после завтрака за карточным столом, Граве положил в портмоне пять десятирублевых бумажек. Не сказать, чтобы выигрыш был большой, а если еще честнее — достаточно скромный. Важнее другое: Граве сумел наказать одного зарвавшегося господина, который хвалился, что всегда выигрывает. Теперь господин этот краснел, но сделать ничего не мог. Граве еще и пожалел его. Надо было посадить рублей эдак на триста. Но ничего, никуда не денется. Сам норовит в капкан. Наверняка предложит матч-реванш.

Так и случилось. Подойдя к Граве и пахнув дешевым сигарным духом, господин изъявил желание отыграться не позже чем завтра. Ставки будут не по рублю, а по червонцу. А если мало, так он и на сто рублей согласен. Граве выразил полную готовность быть к услугам резвого господина. На чем и расстались. Господин отправился в буфет заливать проигрыш, а Граве спустился в гардероб клуба, получил свое модное пальто и вышел на Вознесенский проспект. В него вцепился холодный ветер, под ногами захлюпало, но все это была такая, в сущности, мелочь, что Граве опять улыбнулся.

С улыбкой он обернулся, услышав свое имя. Перед ним стоял невысокий господин в скромном, но чистом пальто, довольно почтенного возраста. С первого взгляда Граве, как опытный игрок, отметил жесткие, обтесанные черты лица, резкий, неприятный взгляд и английское кепи вместо приличной шляпы или цилиндра. Он не смог бы определить, сколько лет незнакомцу: где-то в промежутке от сорока до семидесяти. В одном Граве был уверен: общих знакомых у них нет и быть не может. Ему отчего-то сразу захотелось не иметь с этим господином дела, каким бы оно ни было. Лучше всего — расстаться сразу и навсегда.

Между тем незнакомец приподнял кепи, назвался Семеном Пантелеевичем, забыв, впрочем, упомянуть фамилию, и сообщил, что обратиться к нему рекомендовал близкий знакомый. Услышав, от кого пришел «забавный старичок», как про себя назвал Граве этого господина, он смягчился, спросил, чем может быть полезен, и вернул улыбку. Семен Пантелеевич, заверил, что дело совершенно пустяковое, но не стоит торчать посреди улицы да в такую «непогодь», того гляди, схватишь простуду. Он предложил заглянуть в ближайшую «Мальту», и хоть Граве не очень любил простые заведения, но отказаться было неловко.

В ресторане, которым именовали трактир с крепкими напитками, Семен Пантелеевич предложил отобедать от души, но обедать раньше десяти вечера было совершенно nonsensical, особенно с водкой. Граве вежливо отказался, согласившись на чай. Он заметил, что новый знакомый как бы случайно выбрал самый дальний столик, да еще такой, что рядом никого не было. Половой, знавший Семена Пантелеевича, появился с самоваром и набором закусок стре-

нительно, а исчез легким дуновением. Прекрасное настроение стало закисать в чуждой обстановке. Граве напомнил, что готов поговорить, однако времени у него не так много.

Семен Пантелеевич согласно кивнул, разлил чай и положил себе на тарелку солидный кусок холодной лососины.

— Дело у меня к вам, господин Граве, такого рода, что надо бы нам найти одного вора, — сказал он. — И найти как можно скорее.

Граве решил, что «забавный старичок» наверняка подшутил для разговора. Хотя по его виду этого не скажешь. Как-то не вяжутся с ним шутки и веселье.

— Но позвольте, чем же я могу помочь? Для этого есть полиция, в конце концов, сыскная. Вы не по адресу обратились, любезный...

«Забавный старичок» заглотнул кусок лососины и подмигнул:

— А я так уверен, очень даже по адресу. К нужному человеку обратились. Нам ошибаться никак невозможно. Что же до полиции, то к ней мы обращаться отродясь не приучены. Последнее дело к каплюжникам¹ на поклон идти. Так-то вот...

Разговор принимал совершенно ненужный оборот. Граве не мог понять, отчего ему стало так неуютно и что такое неприятное проявилось в этом человеке. Не желая разбираться в подобных мелочах, он счел, что долг дружбы отдал вполне и теперь может со всем этим покончить. Граве вежливо поблагодарил за обед, к которому не прикоснулся, и даже привстал из-за стола, чтобы прощаться, но тут

¹ Ка п л ю ж н и к и — полицейские на уголовном жаргоне. (Здесь и далее примеч. авт.)

«забавный старичок» приказал сесть на место. Граве воспринял это именно так. Вместо того чтобы оборвать этого типа раз и навсегда, он подчинился. Таким настойчивым вышло предложение Семена Пантелеевича.

— Ты не спеши, мил-друг, — сказал он, без всяких церемоний переходя на «ты». — Разговор у нас не закончен, а как будет закончен, так я тебе укажу. Выпей лучше чайку, сразу подберешь.

— Да вы в своем уме? — спросил Граве, не особо нуждаясь в ответе.

— Только умом и пробавляемся. А вот ты, как погляжу, не понял, что тебе слушать полагается. Чтоб не пожалеть горько.

— Да кто вы такой...

— Такой, что тебе знать не полагается. Ни к чему это. А вот про тебя нам все известно, не сомневайся...

И тут «забавный старичок», не торопясь, в деталях, выложил столько интересных и опасных сведений из жизни Граве, что тому оставалось только слушать молча. Он был уверен, что такого не случится никогда. Просто невозможно, потому что он никогда и ни с кем не делился своими маленькими победами. Это было что-то вроде спорта, вовсе не способ заработать деньги, скорее развлечься и ощутить сладость победы. Во всех его победах важнее всего была тайна. Граве не сомневался, что его мастерство никому не известно. Иначе красивая столичная жизнь давно бы закончилась, его не пустили бы ни в одни приличный дом, не то что клуб. И вдруг оказывается, что какой-то «забавный старичок» кропотливо собрал столько фактов, что хватит на бухгалтерскую книгу.

— ...вот и сегодня пять червонцев умеючи срезал. В общем, прими мое уважение: редкий ты мастер, хоть и самоучка, прямо-таки доморощенный маэстро, — закончил Семен Пантелеевич. — Только про мастерство твое лучше бы друзьям твоим не знать ничего. А полиции — тем паче. Как думаешь?

Граве схватил остывшую чашку и выпил, не чувствуя вкуса. Нужно было время, чтобы сообразить, как себя вести, что-то придумать, быть может, все отрицать. «Забавный старичок» привел такие факты, будто стоял за спиной. Слишком много знает. Не хватало еще письменных свидетельств. Нет, влип основательно, взяли за жабры так, что и не пикнуть. Никуда не деться с крючка. Разве бежать?

— Темными мыслями зря себя не стращай, — сказал Семен Пантелеевич, расправляясь с новым куском лососины. — Мы тебе зла не желаем. Коли слово дашь и удержишь, душить тебя не станем. Незачем.

— Это шантаж, — сказал Граве и не узнал собственного голоса, таким сдавленным и жалким вышел ответ.

— Называй, как хочешь. Я бы сказал по-другому: одолжение дружеское. Вдруг тебе помощь понадобится, будешь знать, к кому обратиться. Мы много чего можем...

— Что вы хотите от меня?

— Тебе же сказали: вора нам найди.

— Каким образом я буду...

— Да ты не спеши, — перебил его Семен Пантелеевич. — Не купца обыгрываешь. Тут дело тонкое. С вором этим ты рядом ходишь, да только не знаешь об этом. А там, где ты ходишь, нам ходу нет. Вот и помоги нам.

— Прошу простить, я не понимаю, о чем вы...

— Уже лучше. Значит, согласен слушать. Это другое дело. А дело такое, что везде должен быть порядок. Особенно в воровстве. Ремесло это трудное, ему обучаться надо. Нельзя, чтоб на самотек шло. Я за ним приглядываю. Но вот такая история вышла, что появился у нас вор, который сам по себе жилит. Да так затыпает, что на весь воровской мир тень бросает. Где драгоценные безделушки, где сережку, где колечко, а дальше — все. Такой вот марушник¹ чистых кровей выискался.

— Что значит «все»? — спросил Граве.

— А то и значит, что берет без всякого толку. Как сорока блестяшку утащит, и никакой пользы. Пропадает бесследно. Так нельзя, это непорядок. Воровство должно пользу приносить миру. А тут что же получается: богатые дома обносит, а мир воровской не знает, кто таков и кто ему позволил. Непорядок. Слышал о таком умельце?

Граве признался, что ничего конкретного в светских сплетнях не проскальзывало. Какие-то смутные намеки, не более того. В одном он был уверен: жертвы воровства шум не поднимали и с другими не делились. Их можно понять. Неприлично рассказывать в обществе, что пропала какая-то сережка. Может, сама затерялась.

— Не можем понять, кто таков. На тебя теперь вся надежда.

— Что именно от меня требуется?..

— Да всего-то навсего разузнать про этого ловкача, найти на него непременно доказательства и нам указать. Пустяковое дело. Ну а мы по-своему с ним потолкуем.

¹ Ж и л и т ь , з а т ы п а т ь — украсть; м а р у ш н и к — вор, обкрадывающий женщин (воровской жаргон).

Граве заставил себя посмотреть на это предложение с другой стороны. Да, отказаться от него нельзя. Но, быть может, это не так плохо. Если смотреть на это дело как на новое развлечение. Действительно, любопытно разузнать, кто же это так ловко грабит светские салоны? И при этом никто не заявил претензии.

— Есть предположения, кто это может быть? — спросил он.

Семен Пантелеевич от такой чести отказался.

— Когда б знали, тебя не трогали бы. И без того против правил пошли. Одно известно: называет он себя Лунным Лисом.

— Как? — в изумлении переспросил Граве. Трудно было ожидать, что в конце циничного девятнадцатого века в России найдутся воры-романтики. Хотя бы в ярких псевдонимах.

Ему подтвердили: именно Лунный Лис. Для настоящего вора такая кличка — прямое оскорбление. Кличку мир дает, а не так, чтобы сам себя назвал — и ходишь гордый. Но за это с ним отдельный разговор будет.

— Только не тяни, друг Граве, — сказал Семен Пантелеевич, вдруг поднимаясь из-за стола и бросая салфетку. — Нам его найти срочно надо. Ну, прощай, маэстро.

— Позвольте... — возмутился Граве тем, что обещания своего не дал, а сдержатъ его все равно придется, и закончил совсем не так, как хотел: — ...Где вас найти?

— Мы сами тебя найдем. Сроку тебе три дня... А если совсем невтерпеж будет или что горячее наскребешь, так обратись к любому мазурику или нищему в Казанской части, скажи: «Стеньке-Обуху весточка имеется», — тебя и отведут

куда следует. На прощание тебе скажу: хитрить с нами не надо. Мы же проверим. Если на невиновного человека укажешь, с тебя же спрос будет. У нас ведь не полиция, законы соблюдаем. Очень нам этот Лис нужен.

Семен Пантелеевич подмигнул и пошел к выходу. Подбежавшему половому он что-то бросил на ходу, тот с поклоном обещал исполнить в лучшем виде. Подлетев к Граве, половой спросил, не желает ли господин чего отведать, все за счет заведения.

Аппетит, как и настроение, были решительно потеряны. Граве думал, как подступиться к этому делу так, чтобы из капкана выскочить и не дать на растерзание светского человека. Какой бы он ни был, но не отдавать же его в лапы какого-то Стеньки-Обуха. А если не отдать — разоблачение. «Забавный старичок» не пощадит, все раскроет. Такой конец — хуже смерти. Как бы мимо проскользнуть?

Граве понял одно: ему срочно требуется размять мышцы в атлетическом зале.

• 2 •

Граф Дмитрий Андреевич Толстой вернулся в свой кабинет в скверном расположении духа. Заседание совета министров прошло так, что оставалось только скрежетать зубами от бессилия. Опять этот выскочка добился всего, чего хотел. Больше всего министра внутренних дел возмущало, каким доверием молодой государь наградил господина Витте. Кажется, если попросит министр финансов, отказа ему не будет ни в чем и никогда.